

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Кондрашов П.Н. Категории человеческого и бесчеловечного в философии Карла Маркса: формальный анализ текстов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 7-42. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_7

УДК 141

DOI 10.17506/26867206_2023_23_4_7

Категории человеческого и бесчеловечного в философии Карла Маркса: формальный анализ текстов

Петр Николаевич Кондрашов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: pnk060776@gmail.com

*Поступила в редакцию 10.07.2023, поступила после рецензирования 30.09.2023,
принята к публикации 06.11.2023*

В статье на основе детального анализа текстов К. Маркса впервые систематически эксплицируются такие взаимосвязанные категории его философии, как человек – человеческое/нечеловеческое – человеческое/бесчеловечное, и даются их формальные определения. Реконструкция Марксовых идей позволяет определить человека как конкретно-историческое страдающее телесно-духовное цельное существо, способом существования которого является праксис – общественная сознательно-целелеполагающая преобразующая предметно-орудийная деятельность. В процессе ее осуществления человек совместно с другими преобразует природу и создает свой собственный искусственный мир культуры, формирует «ансамбль» общественных,

© Кондрашов П.Н., 2023

межличностных и экзистенциальных отношений – человеческое общество. Исходя из этой абстрактной дефиниции человека, понятие человеческого формально определяется как все, что присуще человеку как таковому, и все, что делается социализированным человеком как в смысле самой деятельности, так и ее результатов. В зависимости от конкретных воплощений человеческое обнаруживает себя в социально-исторических формах человеческого (подлинно человеческого, гуманного) и бесчеловечного (неподлинного человеческого бытия, антигуманного). В статье рассматриваются лишь два основания для выделения таких форм: 1) субъективное экзистенциально-эмоциональное переживание человеком своей деятельности, своего бытия-в-мире либо как субъект-субъектного удовольствия от своего свободного самоосуществления в мире (человечное), либо как отчуждения, отвращения к своей вынужденной, несвободной деятельности (бесчеловечное); 2) объективная роль деятельности, в результате которой социально-онтологические структуры, создающие условия для творческой самореализации и фундированные в субъект-субъектном доверии и внутригрупповой солидарности, или продуктивно воспроизводятся, или разрушаются. Подчеркивается, что в конкретных социальных системах и ситуациях продуктивная человеческая деятельность может превращаться в свою противоположность и становиться бесчеловечной практикой, и, наоборот, действительно бесчеловечные формы организации жизни в ограниченных условиях могут выполнять продуктивные функции.

Ключевые слова: Маркс, родовая сущность человека, праксис, диалектика опредмечивания и распредмечивания, субъект-субъектные отношения, конкретная историчность, человеческое/нечеловеческое, человеческое/бесчеловечное, взаимное доверие, солидарность, гуманизм

Categories of the Humane and the Inhumane in Karl Marx's Philosophy: A Formal Analysis of Texts

Pyotr N. Kondrashov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: pnk060776@gmail.com

Received 10.07.2023, revised 30.09.2023, accepted 06.11.2023

Abstract. Based on a detailed analysis of Marx's texts, the article for the first time systematically explicates such interrelated categories in his philosophy as man – the human/the non-human – the humane/the inhumane, and gives them formal definitions. The reconstruction of Marx's ideas makes it possible to define man as a concrete historical, suffering, bodily-spiritual whole being, the mode of existence of which is praxis – a social consciously goal-setting transforming object-tool activity. In this process, man jointly with others transforms nature, creates its own artificial world of culture and forms an “ensemble” of social, interpersonal and existential relations, i.e. human society. This abstract definition of man allows us to formally define the human as everything that is inherent in a person as such and as everything that is done by a socialized person, both in terms of the activity itself and its results. Manifesting in specific forms, the human reveals itself in the

socio-historical forms of the humane (truly human) and inhumane (inauthentic human existence). The article considers only two grounds for highlighting such forms: 1) subjective existential-emotional experience of one's activity, one's being-in-the-world, either as subject-subject pleasure from one's free self-fulfillment in the world (the humane), or as alienation, aversion to one's forced, unfree activity (the inhumane); 2) the objective role of activity, as a result of which the socio-ontological structures that create conditions for creative self-realization and are founded in subject-subject trust and intra-group solidarity are either productively reproduced or destroyed. It is emphasized that in specific social systems and situations, productive human activity can turn into its opposite and become inhuman practice, and, conversely, really inhuman forms of life organization in limited conditions can perform positive functions.

Keywords: Marx, generic essence of man, praxis, dialectic of objectification and deobjectification, subject-subject relationship, concrete historicity, the human/the non-human, the humane/the inhumane, mutual trust, solidarity, humanism

For citation: Kondrashov P.N. Categories of the Humane and the Inhumane in Karl Marx's Philosophy: A Formal Analysis of Texts, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 7-42. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_7

Введение

Одна из величайших ироний в истории идей состоит в том, что философия К. Маркса стала так тесно ассоциироваться с тоталитаризмом, антигуманизмом «коммунистических» режимов Сталина, Мао Цзэдуна, Пол Пота и действительной бесчеловечностью их практик, с представлениями о человеке как безликом, лишенном всякой индивидуальности и свободы механическом «винтике», что неудивительным оказывается неутешительный вывод, сделанный в статье с красочным названием "The Satanic Origins and Nature of Marxism" («Сатанинские истоки и природа марксизма») теологом и пастором М. Хеддингом: «Карл Маркс был сатанистом»¹.

На фоне роста популярности Марксовых идей в эпоху мирового финансово-экономического кризиса 2008–2013 гг. вновь активизировались когда-то очень популярные силы, доказывавшие, что Маркс – исчадие ада, поклонник Сатаны, который регулярно участвовал в оккультных практиках (Wurmbrand 1986); что он, посвятив себя служению аду, поставил своей целью послать туда человечество и умер в отчаянии, как умирают все сатанисты (Володский 2011); что идеал человека в Марксовом коммунизме – обезличенный, нивелированный в коллективе и массах несвободный «винтик» социального механизма, производительная сила и «делатель» технологического прогресса²; что социализм, внутренний пафос которого – антидуховность, стремится к полному усреднению

---

¹ Hedding M. 2023. The Satanic Origins and Nature of Marxism // ICEJ Canada. 24.01.2023. URL: <https://icej.ca/the-satanic-origins-and-nature-of-marxism/> (дата обращения: 09.07.2023).

² Афанасьева В. Экзистенциализм против марксизма – начинает и выигрывает // Информационное агентство «Взгляд-инфо». 05.05.2018. URL: <https://www.vzsar.ru/blogs/3964> (дата обращения: 09.07.2023).

качественного многообразия жизни, уничтожению человеческой индивидуальности, личности как искры Божией³.

Однако если мы откроем тексты (от Ф. фон Хайека и К. Поппера до А.И. Солженицына, А.С. Ципко и М. Хеддинга), в которых Марксу инкриминируются жуткие преступления против человека и человечности, то заметим несколько общих черт, характеризующих подобные работы.

В подавляющем большинстве из них нет ни одной прямой цитаты из работ «ответчика». Обвинение строится даже не на косвенных уликах, а на том простом «факте», что «Карл Маркс встал на сторону Сатаны... Он ошибался не из-за простого просчета [в своих экономических исследованиях], а из-за греха и ереси» (Kengor 2020: x). *Sapienti sat!*

Идеи Маркса в силу непонятных причин отождествляются по умолчанию с неким никогда не существовавшим марксизмом вообще, марксизмом как таковым, без учета не только радикальных противоречий между различными «марксизмами», но и того, что многие из них никакого отношения к Марксу не имеют, например, трансгендерный марксизм (Gleeson, O'Rourke 2021), марксистский постгуманизм (Ferrando 2015; Morton 2019), трансгуманизм (Armesilla 2021; Steinhoff 2014) и даже квир-марксизм (Floyd 2009; Dasgupta 2018). «Логическим» следствием такого линейно-исторического отождествления оказываются заявления о вине Маркса за ГУЛАГ и иные деяния «красных», «марксистских» диктаторов. По поводу многих «марксистов» сам Маркс в свое время с горькой иронией признался: «Я знаю только одно, что я не марксист» (Энгельс 1965: 370).

Большинство обвиняющих Маркса в антигуманизме используют известный прием *argumentum ad hominem*, запрещенный в научном дискурсе, но весьма любимый гуманистами-антикоммунистами. Опустим всякие сугубо «христианские вещи» про Маркса алкоголика, распутника, попрошайку у Энгельса и родственников, мерзкого типа, наконец, просто бомжа⁴. Ограничимся только одним местом из П. Кенгора, который пишет: «Слишком многие люди отделяют Маркса-человека от зла, принесенного марксизмом. Это серьезная ошибка. Мало того, что результаты марксизма во многом являются результатом идей Маркса и самого его пера, так еще и сам Маркс сочинял совершенно дьявольские вещи» (Kengor 2020: xxi-xxii).

Понятно, что все эти особенности обвинений Маркса в сатанинской бесчеловечности никакой научной ценности не имеют. Но, к сожалению, подобная ненаучная обращенность к науке имеет столь мощную суггестивную силу, что к ней прибегают и некоторые ученые⁵. А такое положение дел

³ Аксюциц В. Коммунизм и христианство // Православие.Ru. 16.12.2003. URL: <https://www.pravoslavie.ru/76.html> (дата обращения: 09.07.2023).

⁴ «Маркс был ленивым и никчемным бомжом». См.: Hedding M. 2023. The Satanic Origins and Nature of Marxism // ICEJ Canada. 24.01.2023. URL: <https://icej.ca/the-satanic-origins-and-nature-of-marxism/> (дата обращения: 09.07.2023).

⁵ Ципко А.С. «Истоки сталинизма»: обратный путь? // Гефтер.ру. 27.11.2012. URL: <http://gefter.ru/archive/6878>; Ципко А.С. Призрак утопизма, который уничтожил СССР // Независимая газета. 08.11.2021. URL: https://www.ng.ru/ideas/2021-11-08/7_8295_ghost.html (дата обращения: 09.07.2023).

становится уже научной проблемой, требующей научного решения. Но прежде сделаем два замечания методологического характера.

Во-первых, научное обвинение в бесчеловечности в адрес кого-то (философа, ученого, врача, воспитателя в детском саду, политика, солдата, обычного человека) или чего-то (теории, политики, «режима», поступков, ситуации) может строиться только на основании того, что мы знаем, что такое бесчеловечное и, стало быть, что такое человеческое, ибо обе эти категории суть диалектически парные понятия, формально-логическая семантика которых определяется взаимно. Однако специфика научно-философского «суда» состоит в том, что стороны прений исходят не из единого «правового дискурса», как в случае с обычным судом, а из разных мировоззренческих парадигм. Так, обвинить Марксову теорию, скажем, классовой борьбы в бесчеловечности и разжигании ненависти можно с точки зрения христианской антропологии (как это делает А.С. Ципко) или каких-то иных концепций человека, но только на основании их дефиниций человечности и бесчеловечности (христианских, иудейских, либеральных, нацистских, персоналистских, экзистенциалистских, фрейдистских, ницшеанских и т.д.).

Во-вторых, эти определения должны быть фундированы в конкретных философско-антропологических (а не «интуитивных» и/или вытекающих из «здорового смысла») дефинициях понятия «человек». Мы можем назвать учение Маркса о сущности человека бесчеловечным с точки зрения, скажем, основных положений философской антропологии нацизма. Но для этого необходимо четко сформулировать уже два определения человека – Марксово и нацистское, и только с точки зрения последнего определять бесчеловечную модальность первого.

Итак, чтобы осуществить такое воображаемое научно-судебное разбирательство, необходимо исходить из четкого ответа на ряд вопросов. *Что такое человек? Что такое человеческое? Что такое человеческое и бесчеловечное?*

Без ответов (как со стороны «обвинения», так и со стороны «защиты») на эти фундаментальные философско-антропологические вопросы все разговоры о бесчеловечности и сатанизме теорий Маркса, христианства, либерализма и т.д. – это псевдонаучное, по меткому выражению св. Ансельма, *flatus vocis* – сотрясение воздуха. В рамках настоящей статьи мы, выступая со стороны «ответчика» (но никак не «апологета»), остановимся лишь на Марксовой (а не марксистской) концепции. В этой связи наша цель – дать предварительный ответ на вопрос, что такое, с точки зрения Маркса, человек, человеческое и нечеловеческое, человеческое и бесчеловечное, взятые в их смысловой когерентности. А из дефиниций этих понятий далее можно уже при желании квалифицировать Марксово мировоззрение как человеческое или, напротив, бесчеловечное, но опять-таки только исходя из определений всех этих категорий, данных в оптике другой философско-антропологической парадигмы. Но это уже задача «обвиняющей» стороны.

Понятие человека

Исходя из собственного детального анализа текстов Маркса (Кондрашов 2019; Kondrashov 2021a; Kondrashov 2021b), в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы о человеке и различных аспектах, «модусах» его родовой сущности (*Gattungswesen*), а также опираясь на многочисленные работы, посвященные анализу Марксовой философской антропологии⁶, мы позволим себе дерзкое предприятие – реконструировать определение понятия «человек» в том виде, в каком его мог бы сформулировать сам Маркс.

Человек (как социализированный индивид, как индивид-в-отношениях) это:

– живое уникально-родовое (Маркс 1956b: 630-631; Маркс, Энгельс 1955a: 18), целостно-цельное (Маркс, Энгельс 1955a: 68; Маркс 1956b: 591), действительное индивидуальное общественное (*wirklichen individuellen Gemeinwesen*) существо (Маркс 1956b: 591; Marx 1968: 539),

– которое представляет собой единство тела и субъектно-внутреннего бытия (индивидуального сознания, психики),

– сущностью и способом существования которого является общественная сознательная целеполагающая преобразующая предметно-орудийная материально-духовная деятельность (*праксис*) (Маркс 1956b: 565-566), которая протекает в опредмечивающе-распредмечивающих и субъект-объектных механизмах социального метаболизма и посредством которой человек совместно с другими преобразует природу, созидает свой собственный искусственный мир;

– существо, изначально встроенное в свой объектно-внешний мир природы, материальной, духовной и социальной культуры, общества, мир символов, общественное сознание, и диалектически связанное с ними;

– существо, формирующееся и обнаруживающее себя в качестве «Я», субъектной самости (*Selbstheit*) в интерсубъективном «ансамбле» общественных (*gesellschaftliche Verhältnisse*) и межличностных (*soziale Beziehungen*) отношений, которые реализуются между индивидами посредством субъект-субъектного общения (*Verkehr*) (Маркс, Энгельс 1955a: 19, 24-25, 33, 34-35, 37, 44, 166; Шелике 1986), интерактивной коммуникации (Маркс 1955e: 3; Маркс 1959: 6-7);

– существо страдающее, переживающее свое бытие-в-мире в форме неравнодушных, эмоционально-экзистенциальных субъектных отношений к этому миру и самому себе, отношений, в которых обнаруживает себя тотальность человеческого проявления жизни (*Totalität menschlicher Lebensäußerung*) (Маркс 1956b: 591)⁷;

---

⁶ На них, к сожалению, нет возможности остановиться в силу ограниченности объема статьи.

⁷ З. Правер справедливо указывает, что понятие «тотальность» относится у Маркса и к индивидуальному, и к общественному уровню человеческого бытия. «Это может означать “идеальную тотальность” в том смысле, что человек как идеальный тип наделен всеми атрибутивными свойствами, характеризующими вид

– существо темпоральное и конкретно-историчное, поскольку его способ бытия-в-мире – деятельность – является преобразующей активностью. «Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса» (Der Mensch vereinzelt sich erst durch den historischen Prozeß) (Маркс 1968: 486; Marx 1983: 404), а личность – результат исторического развития (Маркс 1968: 18), ибо «различие между индивидом как личностью и случайным индивидом – не просто логическое различие, а исторический факт» (Маркс, Энгельс 1955а: 71).

Поскольку, согласно Марксу, человеческая сущность универсальна (Маркс 1956b: 566) и бесконечно разнообразна (Маркс 1956b: 592), «человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, т.е. как целостный человек» (Маркс 1956b: 591). В силу этой тотальности человеческого существа (Tabak 2012: 169) все эксплицированные атрибуты, модусы его родовой сущности всегда должны браться как когерентная органическая целостность, в рамках которой каждый из элементов сущностно определяет другие, конституируясь, в свою очередь, и каждым из них, и их имманентной цельностью. Поэтому рассматривать категории человеческого/нечеловеческого и человеческого/бесчеловечного в принципе можно сквозь оптику любого из этих атрибутов. В дальнейшем анализе в силу ограниченности объема работы мы в основном сосредоточимся на «дедукции» означенных категорий из понятия деятельности (праксиса) как способа человеческого бытия-в-мире и экзистенциальной диалектики подлинной и неподлинной форм этого деятельного существования (*tätigen Dasein*) (Маркс 1968: 478; Marx 1983: 397), которые обнаруживают себя в экзистенциально-эмоциональном отношении человека как страдающего существа к этому миру.

Понятия человеческого и нечеловеческого

Человеческое. В выявленных в первом разделе конститутивных модусах родовой сущности человека (которые здесь представлены неполно) схватывается только то, что Маркс называет человеческим (*menschlich*), соответствующим его природе, его сущности. Поскольку в данном выше определении идет речь о любом человеке, взятом вне конкретного исторического периода, вне конкретного общества и вне конкретной жизненной ситуации, в данной абстракции схватывается способ человеческого существования как таковой. И в этом отношении любая деятельность *Homo sapiens*, подпадающая под это определение, является человеческой.

и которые могут все больше проявляться по мере развития общества и его производительных сил. В этом смысле термин относится к “обществу как мыслящему и переживающему”. В другом смысле, однако, “тотальность” может применяться не к человечеству в целом, а к отдельным людям; и здесь ее использование предназначено для того, чтобы поставить вопрос о шансах отдельных людей или групп реализовать свои способности и таланты в данном социальном порядке» (Prawer 1978: 107).

Стало быть, человеческое – это свойство чего-либо⁸ соответствовать всем атрибутам родовой сущности человека. Иначе говоря, человеческое – все, что делается людьми, понимаемыми в смысле данного определения, а также все то, что втянуто в сферу человеческой деятельности и человеческих отношений.

Так, например, фанатик-маньяк, убивающий из-за религиозной неприязни, – это человек, а его деятельность человеческая. И она ни в коем случае не зверство (*Grausamkeit*), не звериная, животная жестокость (*bestialische Grausamkeit*), ибо такая форма жизнедеятельности никакого отношения к животным не имеет: кот не убивает другого кота по мотивам «оскорбления религиозных чувств». В данном случае речь идет лишь о человеческой жестокости, свирепости, изуверстве, лютости или даже невменяемости. Противоположный пример – действия девочки, кормящей бомжа по религиозным побуждениям, являются в той же мере человеческими, как и действия маньяка.

В этом плане человеческим будет посещение музея средневекового искусства, сморкание в платок, ограбление банка, чтение лекции, рыбная ловля, уборка помещения, проектирование и строительство помещения, проведение экономических реформ в государстве и чтение настоящей статьи. В подобном сугубо абстрактно-формальном понимании человеческого элиминируются такие акцидентальные характеристики индивидов, как возраст, пол, гендер, раса, национальность, цвет волос, здоровье, принадлежность к той или иной религии, политической партии, уровень образования или доходов и, самое главное, содержание их деятельности. Все эти свойства будут важны уже на следующих ступенях конкретизации анализа человека в социологии, политической науке, религиоведении, этике, биоэтике, культурологи, медицине и т.д.

Итак, в самом общем, формальном виде человеческое – все, что присуще человеку как таковому, как социализированному индивиду, как индивиду-в-обществе, индивиду-в-отношениях, то есть присуще любой его деятельности, любым формам, сторонам, результатам этой деятельности, всем без исключения социальным структурам, механизмам и нормам, общественным, межличностным и экзистенциально-эмоциональным отношениям, страстям, переживаниям, мыслям и т.д. При этом надо учитывать, что и те способности, которые достались *Homo sapiens* от животных предков, с точки зрения Маркса, представляют собой не «диалектическую сторону» некой двойственной «биосоциальной природы» человека, а суть сугубо человеческие способности. Принимая пищу, испражняясь, пугаясь, умываясь или совершая половой акт, человеческое существо отправляет не животные, а человеческие функции человеческим образом: «...еда, питье, половой акт и т.д. суть подлинно человеческие функции» (Маркс 1956b: 564).

⁸ Свойство деятельности, ее видов, сторон, свойств, механизмов протекания, результатов и продуктов, порождаемых этой деятельностью, материальных и нематериальных благ, отношений, форм общения, социальных групп, общества, переживаний, эмоций, потребностей, влечений, желаний и т.д. как факторов, инициирующих эту деятельность.

Нечеловеческое. Категория «нечеловеческое» (das Unmenschlich, Nichtmenschlich, die Unmenschlichkeit)⁹ не интересует Маркса в силу полной неуместности такого рода понятий в универсуме его дискурса, ориентированном на исследование социально-человеческого. Даже использование естественно-научных данных, концепций, исследований и категорий всегда вплетено у Маркса в социальный контекст. Вместо этой категории он употребляет в основном понятие «животное» в следующих случаях:

1) как прямое противопоставление человеческому: «Животное, – писал философ в 1844 г., – непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самую свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность – сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» (Маркс 1956b: 565). Через 23 года он напишет: «Если мы хотим узнать, что полезно, например для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована “из принципа полезности”. Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т.д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» (Маркс 1960: 623). В другом месте Маркс, анализируя человеческие отношения как отношения между индивидами, обладающими субъектностью, отмечает: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня, животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение» (Маркс, Энгельс 1955а: 29);

2) как косвенное использование понятия «нечеловеческое» для подчеркивания отличительных черт человеческого, например, когда указывает на неправомерность приписывания (атрибуции) человеческих свойств нечеловеческим «агентам»: «...в обыденной жизни говорят о труде рабочего скота и рабочих машин, а поэтический язык допускает и такие обороты речи, как: железо трудится при накаливании, или: железо трудится, когда оно стонет под ударами молота. Ведь оно даже и кричит. И нет ничего легче, как доказать, что всякая “операция” есть труд, ибо труд есть некоторая операция. С таким же успехом можно доказать, что все телесное обладает ощущениями, ибо все ощущающее – телесно» (Маркс 1964: 183);

3) для иронично-обличающего высмеивания практик государства, приравнивающих человеческие (общественные) отношения к животной жизнедеятельности. «Замечательно, что низведение людей до уровня животных стало правительственной верой и правительственным принципом. Но это не противоречит религиозности, так как обоготворение животных – это, пожалуй, наиболее последовательная форма религии, и скоро, быть

---

⁹ В широком смысле как *non-human* или более узко как *non-human people* в постгуманизме.

может, придется говорить уже не о религиозной антропологии, а о религиозной зоологии» (Маркс 1956a: 243);

4) для подчеркивания уничижительного положения человеческого, низведенного до нечеловеческого (животного) уровня. В результате отчуждения «получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному» (Маркс 1956b: 564). «Дело несколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочим скотом не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест» (Маркс 1960: 585). Это постоянное подчеркивание уничижительного положения человеческого, низведенного до нечеловеческого, сначала животного состояния, а затем скотского одичания (*viehische Verwilderung*) (Маркс 1956b: 600)¹⁰, приводит нас к еще одной важнейшей категории Марксова дискурса о человеке – понятию бесчеловечного, которое выступает у него в паре с категорией человеческого.

Человечное и бесчеловечное

Если категория нечеловеческого интересует Маркса большей частью в аспекте ее использования для подчеркивания специфики человеческого, то категория бесчеловечного¹¹ оказывается важнейшей в его философском дискурсе. Речь идет о диалектической паре аксиологически противоположных понятий «человечное» и «бесчеловечное», в которых находит свое воплощение человеческое. В формально-логическом смысле понятие «человеческое» является родовым по отношению к видовым понятиям «человечное» и «бесчеловечное»¹². При этом, как мы увидим далее, они могут быть и контрарными, и пересекающимися, а в конкретно-исторической, темпорально-ситуативной модальности даже менять свое семантическое содержание на противоположное.

Дело в том, что родовое понятие человеческого у Маркса носит сугубо формальный характер. Человеческими, как мы показали выше, будут действия и бессердечного маньяка, и сердобольной девочки. Однако мы сразу же интуитивно «понимаем», что в содержательном аспекте между этими действиями лежит пропасть. Попробуем прояснить мысль Маркса, обратившись к его текстам. Сначала рассмотрим формальную сторону диалектики человеческого и бесчеловечного (в рамках человеческого), а затем обратимся к некоторым аспектам содержательной стороны.

---

¹⁰ Об интеллектуальном одичании см.: (Маркс 1960: 411).

¹¹ По-немецки также передаваемая субстантивированным прилагательным *das Unmenschlich*.

¹² Здесь мы опускаем категорию нейтрально-человечного.

Человечное. Сущностное различие между такими, казалось бы, схожими вплоть до синонимичности понятиями, как «человеческое» и «человечное», в высшей степени важно для понимания Марксова мировоззрения. Но поскольку обе эти категории в немецком языке передаются одним прилагательным (*menschlich*), то уловить радикальные различия между ними, их ситуативные коннотации, смысловые оттенки можно только при рассмотрении конкретного контекста употребления. Так, любое (со)общество, состоящее из реально или потенциально intersубъективно и предметно взаимодействующих людей (реальные сообщества – футбольная команда, шайка грабителей, учебный класс, бригада рабочих; «воображаемые» сообщества – работники завода, жители города, рабочий класс, человечество) – это общество человеческое (*die menschliche Gesellschaft*). Но вот, скажем, капиталистическое общество, будучи человеческим, по своему содержанию и механизмам функционирования оказывается, с точки зрения Маркса, бесчеловечным (*unmenschlich*), в то время как коммунизм – общество столь же человеческое, как и общество буржуазное, но, в отличие от последнего, является человечным (гуманным, по-человечески сносным, достойным человека).

Поэтому, когда Маркс говорит о коммунизме как о *die menschliche Gesellschaft*, он имеет в виду не просто о человеческое общество как таковое, формально соответствующее сущности человека. Повторим еще раз: любое общество человеческое, но только общество коммунистическое, общество, в котором будет преодолено обесчеловечивающее отчуждение и индивиды сбросят с себя «всю старую мерзость» (*ganzen alten Dreck*) (Маркс, Энгельс 1955а: 70), будет еще и человечным. Только сквозь такую призму можно понять следующие выражения: «Если характер человека создается обстоятельствами¹³, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» (Маркс, Энгельс 1955b: 145-146); «Коммунизм как положительное упразднение [*positive Aufhebung*] частной собственности – этого самоотчуждения человека [*menschlicher Selbstentfremdung*] – и в силу этого как подлинное присвоение [*wirkliche Aneignung*] человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. [человеку] человечному [*menschlichen Menschen*]» (Маркс 1956b: 588; Marx 1968: 536).

Наиболее рельефно Марксова диалектика человеческого и бесчеловечного с применением соответствующей эмоционально нагруженной терминологии представлена в совместной с Ф. Энгельсом работе «Святое семейство», опубликованной в 1845 г. В ней анализируются взаимоотношения между капиталистом и рабочим, которые основываются на купле-продаже *человеческой* деятельности и которые в условиях частной собственности на средства производства приводят к тому, что рабочий, производящий продукт, не владеет им. Продукт оказывается от него *отчужденным*, а капиталист, ничего

¹³Немецкое *Umständen* можно перевести и как условия жизни.

не производящий, этим продуктом владеет, что приводит к его богатству и нищете рабочего. Маркс показывает извращенно-превращенную диалектику человеческого и бесчеловечного этой экономической (капиталистической, товарно-денежной) ситуации. «...Экономисты иногда в виде исключения отстаивают видимость человеческого [Schein des Menschlichen] в экономических отношениях – особенно тогда, когда они нападают на какое-нибудь специальное злоупотребление, – но чаще всего они берут эти отношения как раз в их явно выраженном отличии от человеческого [Unterschied vom Menschlichen], в их строго экономическом смысле. Не сознавая этого противоречия и шатаясь из стороны в сторону, они не выйдут за его пределы.

Прудон раз и навсегда положил конец этой бессознательности [Bewußtlosigkeit]. Он отнесся серьезно к *человечной видимости* [menschlichen Schein] экономических отношений и резко противопоставил ей их *бесчеловечную действительность* [unmenschlichen Wirklichkeit]. Он заставил их в действительности быть тем, чем они являются в их собственном представлении о себе, или, вернее, он заставил их отказаться от этого представления о себе и признать свою действительную бесчеловечность [wirkliche Unmenschlichkeit]» (Маркс, Энгельс 1955b: 35-36; Marx 1982: 34).

Бесчеловечное. Маркс (написавший основную часть «Святого семейства») показывает, что обе формы человеческой деятельности и *человеческой* ситуации, сложившейся в результате этой деятельности (производство/неимение/нищета рабочего и праздность/имение/богатство капиталиста), приобретают отчужденный, одномерный характер: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение [menschliche Selbstentfremdung]. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении [Selbstentfremdung] удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования [Schein einer menschlichen Existenz]. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении [Entfremdung] уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования [Wirklichkeit einer unmenschlichen Existenz]» (Маркс, Энгельс 1955b: 39).

Нечеловеческое (Un-menschlich) понимается здесь Марксом как недостойное человека, приниженного не то что до уровня животного, а до того состояния, что у рабочего в условиях отчуждения не остается даже чувств, свойственных животному: «Ни одно из его чувств не существует больше не только в его человеческом виде [menschlichen Weise], но и в нечеловеческом [unmenschliche], следовательно не существует больше даже в его животном виде [tierischen Weise]» (Маркс 1956b: 601). Это и есть бесчеловечность (Unmenschlichkeit). «Так как, – развивает эту мысль Маркс в «Святом семействе», – в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности [unmenschlichsten Spitze];

так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности [Unmenschlichkeit] велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому приукрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, – то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества [alle unmenschlichen Lebensbedingungen der heutigen Gesellschaft], сконцентрированных в его собственном положении» (Маркс, Энгельс 1955b: 40).

Итак, по Марксу, всякое человеческое является человеческим, но не всякое человеческое *человечно*. Собственно, то же самое относится и к бесчеловечному. Стало быть, в самом общем, абстрактно-формальном виде *человеческое* – все, что *характерно* для человека как такового, а *человечное* – все, что из характерно-специфического *достойно* человека. При этом семантическое содержание «достойности» определяется из тех конкретных социально-исторических условий, в которых разворачивается человеческое. Так, по-человечески сносными (человечными) в верхнем палеолите будут выступать одни условия, а в «полностью автоматизированном роскошном коммунизме» (Bastani 2019) совсем иные, хотя в обоих случаях речь идет о человеческих индивидах и человеческом обществе. Сам Маркс знаменитую «простую человечность» А. Смита рассматривал весьма скептически: «...обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с “простой человечностью”, т.е. с животным уровнем существования» (Маркс 1956b: 523).

Еще одним фактором, определяющим уровень «достойности», оказывается, выражаясь традиционным марксистским языком, классовое представление о таковом. Для полуголодного рабочего-ирландца в Лондоне или Манчестере в 1844 г. гнилые картофельные очистки – *верх человечности* этого мира, правда, такой «человечности», при которой «человек лишается не только человеческих потребностей – он утрачивает даже *животные* потребности» (Маркс 1956b: 601). Противоположный пример – с жира бесящийся (austobendes) капиталист, который свое надменное расточение оправдывает подлой (infame) иллюзией, будто его «необузданная расточительность и безудержное непроизводительное потребление обуславливают труд, а тем самым существование [Subsistenz] другого; осуществление человеческих *сущностных сил* [Wesenskräfte] представитель такого рода богатства мыслит только как осуществление своих чудовищных прихотей и странных, фантастических причуд» (Маркс 1956b: 608).

Однако неисповедимая историческая диалектика со своей иронией такова, что для лондонского рабочего-ирландца, живущего в 2023 г., «по-человечески невыносимым», «бесчеловечным» оказывается отсутствие туалетов для трансгендерных людей, в то время как о гнилом картофеле своего предшественника он слыхом не слыхивал и вслед за К. Поппером считает

бесчеловечный капитализм позапрошлого века «выдумкой Маркса»¹⁴. Противоположный пример – современный европейский капиталист, который, в отличие, скажем, от «новых русских» 1990-х гг. на «мерсах», ездит на работу на велосипеде и носит футболку с портретом Че Гевары.

Экзистенциальная диалектика подлинного и неподлинного

Теперь обратимся к более *содержательным* определениям человеческого и бесчеловечного, как они представлены у Маркса. В силу того, что его философско-антропологическая концепция является *тотализующей*¹⁵, из каждого представленного в первом разделе модуса родовой сущности человека можно развернуть ту или иную диалектику человеческого и бесчеловечного. По объективным причинам мы остановимся лишь на важнейшем, с нашей точки зрения, аспекте, который связан с экзистенциально-эмоциональными, субъективными переживаниями индивида.

Человек как экзистенциально-неравнодушное существо. Человек, будучи действительным природным чувственным телесным предметным существом (Маркс 1956b: 630-631; Маркс, Энгельс 1955a: 18), изначально является частью природы (Маркс 1956b: 565), в то время как сама природа выступает в качестве его неорганического тела (Маркс 1956b: 565; Clark 1989), с которой он «должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» (Маркс 1956b: 565). Эта витальная зависимость означает, что человек – существо чувственное. «Быть чувственным, т.е. быть действительным, это значит быть предметом чувства, быть *чувственным* предметом, т.е. иметь вне себя чувственные предметы, предметы своей чувственности. Быть чувственным значит быть *страдающим* [leidend]. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть *страдающее* существо [leidenschaftliches Wesen]...» (Маркс 1956b: 632).

Страдание, как оно *здесь* понимается, – это чувство, обусловленное наличием потребностей. Поскольку стремление к их удовлетворению составляет движущую силу любой формы жизни¹⁶, то страдание (Leiden) с необходимостью порождает страсть (Leidenschaft). «Так как [живое, чувственное] существо ощущает свое страдание, – пишет Маркс, – то оно есть существо, обладающее *страстью*. Страсть [die Leidenschaft, die Passion] – это энер-

¹⁴ «Важно... то, что “капитализм” в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин, *нигде и никогда не существовал* на нашей прекрасной планете Земля – он реален, не более, чем дантовский Ад. <...> ...Самая существенная черта того общества, которое Маркс называл “капитализмом”, никогда не существовала... Это всего лишь химера, умственный мираж» (Поппер 1992: 11-12, 14).

¹⁵ То есть рассматривающей человека не только как *целостное* существо (снимающее в себе все синхронное многообразие своего бытия-в-мире), но и как существо динамически и темпорально *цельное* (то есть субъективно и субъектно «собранное» на основе своих влечений, страстей, целей и отношений-к-миру). Однако из-за неверного толкования *totalis* как *totalitaris* и возникло известное отождествление философии Маркса, марксизма и тоталитаризма.

¹⁶ Маркс по отношению к человеку не очень жаловал понятие «инстинкт», а говорил больше о влечениях (Маркс 1956b: 631).

гично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека» (Маркс 1956b: 632). В этом отношении существование человека оказывается *динамическим*¹⁷, ибо потребность, будучи движущей силой (*treibendes Motiv*) (Маркс 1960: 605), подобно некоему драйверу, «запускающему» человеческую деятельность (Маркс, Энгельс 1955b: 46), заставляет *выходить в мир* и стремиться объекту своей страсти. И в этом смысле человек для Маркса – самоустремленное существо (*der Mensch ist selbstisch*) (Marx 1968: 575; Маркс 1956b: 628); самоустремленность (*Selbstigkeit*)¹⁸ оказывается одним из важнейших модусов человеческой сущности.

Но поскольку человеческая деятельность фундаментально представляет собой диалектику процессов *опредмечивания* (*Vergegenständlichung, Äußerung*) и *распредмечивания* (*Entgegenständlichung, Aneignung*) (Marx 1968: 574), то в процессе опредмечивания человек «вкладывает свою живую душу» в предмет (Маркс 1968: 450), «выдыхает [*ausatmende*] себя» (Marx 1968: 577), «излучает себя» (Маркс 1956b: 630) в предмет, а в процессе распредмечивания «вбирает», «вдыхает [*einatmende*] в себя» душу другого. Он начинает определенным образом относиться к предмету и эмоционально переживать свое *отношение-к*, ибо предмет оказывается не чем иным, как внешним обнаружением человеческой души, манифестацией его собственного внутреннего мира, «действительностью объективированных человеческих сущностных сил» (Маркс 1956b: 626). В результате развертывания процессов опредмечивания и распредмечивания совместно действующие индивиды созидают (*erzuegen*) человеческий мир – предметный, искусственный (то есть ранее не существовавший в природе), мир материальной и духовной культуры. В этом смысле праксис – не механическое, инструментальное «делание» предмета, а его творение, созидание (*Schaffen des Gegenstandes*) (Marx 1968: 577).

Пользуясь созданными предметами, другие люди в структурах своей физической и психической деятельности воспроизводят (распредмечивают, «вдыхают в себя») овеществленные ранее в них целеполагания, потребности, проекты, замыслы, мысли, чувства, идеи, то есть воспроизводят предметную логику этих вещей и тем самым конституируют *интерсубъективность* праксиса. Другими словами, у людей путем интериоризации схем и механизмов совместно-раздельной предметно-орудийной деятельности формируются *идентичные структуры сознания*. Созданный в труде предмет оказывается своеобразным переносчиком сознания от одного человека к другому: «...обработанный человеком предмет есть, таким образом, узел отношений индивидуального и социального» (Можеева 1978: 269). Предмет выступает посредником между людьми, то есть в предметности оказывается фундированной общность, социальность человеческих индивидов: «Предмет [*Gegenstand*], – пишет Маркс, – как бытие [*Sein*] для человека как

¹⁷ «Я имею в виду... концепцию динамического, энергичного характера человеческой природы. Маркс рассматривает человека как существо, которым движут страсти или влечения, хотя человек по большей части не осознает этих движущих сил. Психология Маркса – *динамическая психология*» (Фромм 2017: 84).

¹⁸ В этом мы слышим гегелевскую *самость* (*das Selbst*).

предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие [Dasein] человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» (Маркс, Энгельс 1955b: 47). Такая intersубъективная интерактивная коммуникация возможна только на основании предметной деятельности, когда преобразованный в труде природный материал превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь» (sinnlich übersinnliches Ding) (Маркс 1960: 81; Marx 1962: 85).

Именно в феномене *intersубъективности* предметная деятельность оказывается деятельностью *совместной*, ибо связывает между собой не только сознания, не только человека с внешним миром, но в первую очередь человека с другим человеком. Сущностно это означает, что в форме предмета человек имеет дело с другим человеком, ибо, как отмечает Маркс, «предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его [человека] индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого» (Маркс 1956b: 589).

А коль скоро предметность оказывается intersубъективным посредником между людьми, в своей деятельности человек как субъект экзистенциально-неравнодушно относится не только к предмету, но через него и к другим, и к миру в целом, в том числе к самому себе как активно-субъектному «центру» этого мира. «Каждое из... человеческих отношений к миру... является в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего, присвоением *человеческой* действительности [Die Aneignung der *menschlichen* Wirklichkeit]. Их отношение к предмету есть *осуществление на деле человеческой действительности* [die Betätigung der *menschlichen* Wirklichkeit]; это – человеческая *действенность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть один из способов, каким человек воспринимает свое “Я” [Selbstgenuß]» (Маркс 1956b: 591-592). «Я могу, – пишет Маркс, – на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку» (Маркс 1956b: 592). Далее он указывает на субъектность *отношений-к* в следующем знаменитом фрагменте: «Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* [Äußerung] твоей *действительной индивидуальной жизни*» (Маркс 1956b: 620; Marx 1982: 438).

Этот модус эмоционально-экзистенциального субъектного переживания-осознания, согласно Марксу, обнаруживает себя в человеческих отношениях к миру (menschlich Verhältnis zur Welt) (Маркс 1956b: 591-592), которых сущностно лишены животные. Безусловно, они тоже переживают свое бытие – радуются, печалются, грустят, тоскуют. Но человек, в отличие от них, *осознает* свое переживание и «диверсифицирует» его на мир в целом как в пространственном, так и в темпоральном (биографическом и историческом) аспектах. То есть онтические и онтологические «миры»¹⁹, в которых

¹⁹ Мир природы (Welt), мир предметной культуры (Umwelt), мир социальности (Mitwelt).

бытийствует человек, посредством диалектики опредмечивания/распредмечивания интериоризируются в психике индивида и образуют его собственный внутренний мир (Innerlichkeit, Eigenwelt). Его можно определить как *экзистенцию* – уникальное внутреннее рефлексивно-интенциональное существование, включающее неравнодушное (эмпатическое) восприятие мира, осознанное переживание этого восприятия и эмоциональные, ценностные, оценочные отношения человека к миру (menschlich Verhältnis zur Welt) и своему существованию (и своей смерти) в нем, детерминированные этими восприятиями и переживаниями. Таким образом, экзистенция – это одновременно и онтологическая, и онтическая «структура», в которой в виде *отношения-к* схватывается, как, с чем/кем и среди чего/кого существует человек.

Хотя сам Маркс слово *Existenz* употреблял в традиционном для его времени смысле «существование», тем не менее в его текстах мы обнаруживаем понятия, которые обозначают или описывают то, что мы здесь называем экзистенцией:

- неравнодушное (эмпатическое) восприятие мира = человеческая чувственность (die menschliche Sinnlichkeit);
- осознанное переживание этого восприятия = страдание (Leiden);
- эмоциональные ценностно-оценочные отношения человека к миру и своему существованию в нем = человеческие (бесчеловечные или человеческие) отношения-к-миру (menschlichen Verhältnisse zur Welt);
- которые суть реализация сущностных сил человека (menschlichen Wesenskräfte), страсть (Leidenschaft, die Passion), устремленность к своему предмету.

Итак, с точки зрения Маркса, человек *как человек* может быть только через свое неравнодушное (со-страдательное) отношение, общение (Verkehr) с миром, то есть когда он нечто внутреннее отдает миру, в процессе опредмечивания, овнешнивания своего внутреннего мира (Äußerung), и нечто от мира присваивает себе, в процессе распредмечивания, овнутривания, интериоризации внешнего бытия (Aneignung). Важнейший момент этой диалектики заключается в том, что индивид, действуя сам (Tätigkeit), наделяет ответной деятельностью другого (Betätigung). Однако в зависимости от конкретных социальных условий наличного бытия-человека-в-мире, от конкретно-исторических связей между субъектом и объектом, то есть в зависимости от конкретной диалектики *Äußerung* и *Aneignung*, общение (Verkehr) обнаруживает себя в двух экзистенциально-эмоциональных формах – *подлинной* (человечной) и *неподлинной* (бесчеловечной).

Подлинность человеческого бытия. Подлинность (Eigentlichkeit) человеческого бытия, истинно человеческая жизнь (wahrhaft menschliche Leben) (Маркс 1956b: 637) означает, что между двумя базовыми сторонами праксиса – *Äußerung* и *Aneignung* – существует имманентное единство, согласие, *рефлексия-одного-в-другое*, когда человек по отношению к миру испытывает симпатическую неравнодушность, когда его страдание-страсть динамически выражается в желании быть захваченным миром. Такая гармония имеет место, скажем, когда моя любовь (Маркс 1956b: 620; Маркс,

Энгельс 1955b: 22-24; Маркс, Энгельс 1955a: 516-517) в качестве внешнего действия, «выдыхания» (*ausatmen*) себя (Marx 1968: 577) по отношению к любимому человеку (*Äußerung*) вызывает ответное чувство, которое я вбираю, «вдыхаю» в себя (*Aneignung*). Но и любимая, отдавая мне свою любовь (*Äußerung*), со своей стороны впитывает любовь, даваемую ей мною (*Aneignung*). Наши действия, выражаясь гегелевским языком, *светятся-друг-в-друге*. «Существование того, – пишет Маркс, – что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность, без моего существование не может быть полным, удовлетворенным, совершенным» (Маркс 1955a: 35-36). *Подлинность*, таким образом, фундируется в том, что всякое овнешнивание всегда вызывает ответный процесс, то есть наделяет ответной деятельностью (Шелике 1991: 49-57; Шелике 1997) другого, а значит, «компенсирует» себя в этом взаимном действии другого, которое субъект («Я») овнутривает в структуру своего собственного переживания.

Таким образом, деятельность двух любящих друг друга индивидов оказывается рефлексивно-сбалансированной взаимностью *Äußerung* и *Aneignung*, *отсвоения* и *присвоения*, *выдыхания/излучения* и *вдыхания/вбирания*. Она составляет не разорванную субстанцию, а тотальность, которая и называется в данном случае *подлинной*, то есть взаимной любовью, которая переживается любящими друг друга людьми как наслаждение, удовольствие (*Genuß*). Подобное общение, по Марксу, приносит общающимся радость жизни (*Lebenslust*) (Маркс, Энгельс 1955b: 186) и проявляется только там, где нет неестественного принуждения (*unnatürlichen Zwang*) (Маркс, Энгельс 1955b: 187), отчуждения, равнодушия, враждебной разобщенности, а есть свободное проявление человеческих склонностей, полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*) и богатство ощущений (*Reichtum der Empfindung*) (Маркс, Энгельс 1955b: 187). Собственно говоря, такое состояние характеризуется Марксом как человечность (*Menschlichkeit*) (Маркс, Энгельс 1955b: 35, 36, 83, 123, 125-126, 130, 146, 187; Маркс 1956b: 523, 588, 590, 593, 602, 611, 637; Маркс 1961: 98).

Именно такая деятельность (и материальная, и социальная, и духовная), доставляющая наслаждение другим, а тем самым и мне самому, называется у Маркса подлинно (истинно) человеческой. Только в ней человек действительно чувствует себя *человеком*. Маркс обозначает эту подлинно человеческую – *человечную* – форму праксиса термином *Selbstbetätigung* (Маркс, Энгельс 1955a: 67-68, 72), который буквально можно перевести как «самодеятельность», как это имеет место в русскоязычных переводах «Экономическо-философских рукописей». Однако думается, что для адекватного понимания и перевода этой фундаментальной категории философии Маркса следует учесть следующие моменты.

Во-первых, в структуре слова *Selbstbetätigung* содержится не просто *Tätigkeit* (деятельность), а *Betätigung*, что, помимо собственно субъектной деятельности, активности, обозначает также претворение в жизнь, осуществление (*Beäußerung*). В свете учения Маркса о праксисе как диалектическом единстве процессов *Äußerung* и *Aneignung*, момент *осуществления-*

себя-в-мире представляется решающим. Исходя из этого, В.Ф. Шелике предлагает переводить *Selbstbetätigung* как самоосуществление, «включение в деятельность, соучастие в деятельности, наделение деятельностью» (Шелике 1991: 49).

Во-вторых, слово *Betätigung* – и это важно учитывать в свете Марксовой идеи о том, что неотчужденная деятельность будет находиться под сознательным контролем, то есть перестанет быть внешней, неуправляемой силой, господствующей над человеком, – означает также *управление* (механизмами и т.п.).

В-третьих, указательное местоимение *selbst* (сам, сама, само, сами) в качестве приставки *selbst-* (само-) отсылает к *самостоятельности, независимости, свободе* осуществления-себя-в-мире. Маркс прямо отождествляет *Selbstbetätigung* со *свободной* деятельностью: «...отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность [*Selbstbetätigung*] до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования» (Маркс 1956b: 567). Через полтора года Маркс напишет, что только на ступени коммунизма «самодеятельность [*Selbstbetätigung*] совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность [*die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung*] и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые» (Маркс, Энгельс 1955а: 68-69).

Такая форма праксиса, человеческого бытия-в-мире связана с *независимостью* (Del Aguila Marchena 2022) как от животной предопределенности (универсальность человека), так и от превращенных социальных форм зависимости. Поэтому Маркс всегда определяет человечность (то есть подлинно человеческое) через такой ее конститутивный момент, как *свобода*. Это либо подлинная история, «царство свободы» (Маркс 1962: 386-387); либо свободное время, заполненное саморазвитием, самоосуществлением и человеческим общением; либо свобода от принуждения и превратной зависимости от вещей, денег и т.д.; либо свобода духа; либо свобода для проявления-себя-в-мире, то есть творчество, взятое во всем его многообразии, а не только в аспекте «духовного производства» и тем более не только в форме искусства. Маркс такое творчество, созидание (*Erzeugung*) называет производством человеческих отношений как таковых, «производством самой формы общения» (Маркс, Энгельс 1955а: 72).

Таким образом, *Selbstbetätigung* у Маркса – сознательное самоосуществление человека в мире, реализация его сущностных сил (*menschlichen Wesenskräfte*) (Маркс 1956b: 593-596, 599, 608, 614, 615, 618, 619-620, 626, 628, 630-631, 632, 637, 638; Bernhard 2003; Прокументик 2020; Чернова 2018) посредством свободной неотчужденной деятельности, что приносит ему физическое и духовное удовлетворение, радость, удовольствие, чувство полноты бытия, ощущение единения, симпатической и эмпатической связи с миром (другими людьми, природой, предметами).

Стало быть, если человеческая деятельность реализуется как деятельность *внутренне и внешне свободная* (а такова она по своей имманентной сущности), то связь человека с миром переживается как наслаждение, удовольствие, физическое и духовное удовлетворение, которые Маркс понимает по крайней мере в двух аспектах. С одной стороны, имеет место *субъект-объектное наслаждение*, в котором индивид наслаждается чувственным утверждением (Bejahung) предмета. Например, непосредственно потребляя его в виде пищи, питья, чтения, «обрабатывая» его своим физическим и духовным трудом (Маркс 1956b: 616). Маркс следующим образом говорит о такого рода потреблении-наслаждении (Genuß): «...положительное упразднение частной собственности, т.е. *чувственное* присвоение [*Aneignung*] человеком и для человека человеческой сущности и человеческой жизни, предметного человека и человеческих произведений, надо понимать не только в смысле *непосредственного*, одностороннего *пользования* вещью, не только в смысле *владения, обладания*. Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, то есть как целостный человек» (Маркс 1956b: 591). На языке рукописей 1844 г. это звучит так: «моя сущностная сила в качестве субъективной способности» имеет смысл только лишь в своей предметно-чувственной общественной осуществленности, ибо «лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. ...Одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, – возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе» (Маркс 1956b: 593-594).

Но уже в этой простой чувственности наслаждения человеческое существо воспринимает предмет не как животное, а именно как *человек*: чтобы наслаждаться музыкой, надо быть музыкально образованным человеком; чтобы наслаждаться пищей, надо быть гурманом в хорошем смысле этого слова, а не забытым голодным существом, для которого важна пища как жратва (Fressen)²⁰, а не ее качество. Поэтому бедность, нищета для Маркса *a priori* оказываются бесчеловечностью, скотством (Маркс 1956b: 600-601).

С другой стороны, Маркс говорит о *субъект-субъектном наслаждении*, которое возможно только в условиях отсутствия отчуждения, а значит, при наличии очеловеченных чувств и ощущений. В этой форме наслаждения схватывается, репрезентируется не просто антропологическая ситуация человечности, а ситуация *социальной* человечности. Маркс пишет: «...поскольку человек *человечен*, а следовательно и его ощущение и т.д. *человечно*, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и

²⁰ В. Франкл так описывает состояние человека, освобожденного из нацистского концлагеря: «Тело очнулось раньше, чем душа. И с первого часа, когда это стало возможно, мы начали есть. Нет – жрать! Ели без конца, часами, целый день, даже ночью» (Frankl 1982: 98).

его собственное наслаждение» (Маркс 1956b: 616). Речь здесь идет о том, что я наслаждаюсь тем, что другой наслаждается своим собственным утверждением предмета в субъективном смысле через взаимное наделение другого ответной деятельностью (*Betätigung*) по отношению к моей деятельности, адресованной ему, другому: «Точно так же чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием» (Маркс 1956b: 592). Так, повар наслаждается тем, что приготовленная им пища доставляет наслаждение другим; музыкант испытывает радость, что его музыка вызывает эстетическое наслаждение у слушателей; сапожник испытывает удовлетворение, что кто-то наслаждается использованием сделанной им вещи. Такое наслаждение наслаждением другого проще всего иллюстрируется искренним подарком ему. Это ситуация, когда «чувства и наслаждения других людей стали моим собственным достоянием» (Маркс 1956b: 620).

Эмоциональное, духовное, эмпатическое (экзистенциальное) сопереживание, сострадание, *συμπάθεια* в таком случае выступает в качестве радости. Э. Фромм замечает: «Удовольствие является не целью жизни, но оно представляет собой сопутствующий элемент плодотворной деятельности» (Фромм 2000: 585). Если вернуться к примеру с влюбленными, то подлинность их человеческой деятельности и их человеческого отношения друг к другу будет дана не в эгоистическом наслаждении другим, а во взаимном чувстве полноты бытия, чувстве, конституируемом их взаимной нежностью и заботой о другом, понятием в качестве момента тотальности.

В этой форме физической и моральной удовлетворенности деятельностью нет ничего фантастического и невозможного, если она носит действительно субъект-субъектный характер. Так, каждый преподаватель испытывает подобное удовольствие после удачно прочитанной лекции, когда студенты уже после звонка на перемену подходят с горящими глазами и задают вопросы. После этого он экзистенциально ощущает «искренний восторг», чувствует крылья, когда «шагает с работы устало». Впрочем, на языке методистов, полностью лишенном не только экзистенциальных глубин, но и малейших эмоциональных коннотаций, такая лекция будет называться занятием с обратной связью.

Неподлинность человеческого бытия. Однако наряду с подлинным бытием-общением, приносящим чувство искреннего человеческого восторга, богатства ощущений и полноты жизни (Маркс, Энгельс 1955b: 187), имеет место и бытие *неподлинное* (*unmenschlichen Wirklichkeit*) (Маркс, Энгельс 1955b: 35), которое обнаруживает себя в том, что два сущностных процесса – *Äußerung* и *Aneignung* – не просто оказываются противоположными (что для диалектики вполне естественно), но при всей своей противоположности они не отражаются, не рефлектируют, *не светятся-друг-в-друге*, ибо здесь «человеческая сущность *опредмечивается бесчеловечным образом*» (Маркс 1956b: 626). Феноменологически подобный дисбаланс между имманентными деятельности процессами *Äußerung* и *Aneignung* обнаруживает себя в таких формах, как безответность, «утрата самого себя» (Маркс 1955a: 65), «полная утрата человека» (Маркс 1955c: 428), вынужденная деятельность, несвобода, принуждение.

Иначе говоря, неподлинность человеческого существования (unmenschlichen Existenz) дана в феномене отчуждения (Entäußerung, Entfremdung) и его разнообразных формах (Jaeggi 2014: 23), особенно отягощаемых указательным местоимением *selbst* (Selbstentfremdung). Отчуждение, с точки зрения Маркса, – это не атрибут родовой сущности человека, как предполагает гегелевская философия, отождествляющая всякое опредмечивание (Vergegenständlichung) человеческой деятельности с отчуждением и овещением (Versachlichung), а продукт определенных социально-исторических условий, в первую очередь частной собственности на средства производства при отрыве труда от этих средств как своих условий. Поэтому, когда мы цитируем фрагменты Маркса об отчуждении, необходимо понимать, что речь идет о *капиталистических* формах отчуждения (Kübler 2014).

Как мы показали выше, интенционально-рефлексивная сущность всякого человеческого *отношения-к* обнаруживает себя в равнодушной эмоциональной взаимосвязи между человеком и предметом, к которому он относится, между деятельностью, направленной на предмет, и обратной деятельностью, которую вызывает деятельность. Однако если, скажем, между человеком и «предметом его страсти» имеется взаимное разъединение, отторжение, разрыв, дисбаланс между *Äußerung* и *Aneignung*, а также отсутствие взаимного наделяния деятельностью (Betätigung), то тогда такая, по сути односторонняя и одномерная связь перестает быть человеческой, ибо в ней *урезано человеческое*. «Каждое из твоих отношений человека к человеку и к природе, – пишет Маркс, – должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т.е. если твоя любовь не порождает ответной любви, если ты твоим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье» (Маркс 1956b: 620).

Если, например, маленький мальчик делает фигурку из пластилина и, подарив ее соседской девочке, радуется, видя, что и она радуется подарку, то тогда процесс *Vergegenständlichung* включен в структуру подлинного человеческого существования, ибо деятельность детей в данном случае представляет собой свободную самореализацию в мире (Selbstbetätigung), которая порождает ответную деятельность. Но в условиях частной собственности на средства производства рабочий (не собственник), чтобы выжить, вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту (собственнику) и в процессе работы создавать продукт, ему уже не принадлежащий. Казалось бы, и мальчику фигурка в конце концов тоже не принадлежит, оказываясь в распоряжении девочки. Однако в действительности деятельность рабочего радикально отличается от деятельности ребенка в двух фундаментальных моментах.

Во-первых, создав продукт (товар), рабочий (как класс) начинает зависеть от этого продукта, ибо вынужден его покупать, чтобы поддерживать свое наличное физическое существование. Но купить этот предмет (произведенный им самим) рабочий может посредством заработной пла-

ты, которую получает за производство предмета, то есть только снова и снова включаясь в наемный процесс производства. В таком случае человеческая «жизнь оказывается лишь *средством к жизни*» (Маркс 1956b: 565). Предмет начинает не просто существовать вне (*äußer*) рабочего в качестве некоторой предметности (*Gegenständlichkeit*), но в силу условий частной собственности и принадлежности капиталисту начинает противостоять рабочему, становится для него чуждым, враждебным (*fremd*). Продукт, подчеркивает Маркс, отчужден (*entäußert, entfremdet*) от своего непосредственного производителя, поэтому опредмечивание реализовано *бесчеловечным способом*.

Во-вторых, в предмете отчуждается не только вещьность предмета, но и *человеческая субъективность*, вложенная в него в процессе труда. А в силу того, что в предметном мире, с точки зрения Маркса, находит свое воплощение человечность и социальность человека, вместе с предметом от рабочего *отчуждается* и его *деятельность*, то есть его собственная родовая сущность (*Gattungswesen*). Человек вкладывает живую душу в продукт труда, теряя при этом свою собственную: «Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету» (Маркс 1956b: 561). Феноменологически отчуждение деятельности дано в отношении человека к процессу своего вынужденного труда. Как заявлял Ф. Энгельс, «если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки – самое жестокое, самое унижающее мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно!» (Энгельс 1955: 351). Тогда же Маркс, еще не сотрудничавший с Энгельсом, писал: «Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание» (Маркс 1956b: 563).

Социально-метаболический аспект человечного и бесчеловечного

Вернемся к «кейсу» о девочке и маньяке и зададимся вопросом: *человечны* или *бесчеловечны*, с точки зрения эксплицированных Марксовых определений, в равной степени *человеческие* действия девочки и маньяка, одинаково продиктованные религиозным рвением? Трудность ответа состоит в том, что религиозный маньяк-убийца тоже получает физическое и моральное удовлетворение и испытывает удовольствие от своих действий. Получается, что, исходя из реконструированной концепции Маркса, деятельность маньяка подлинна, *человечна*? Так ли это? Озвучим лишь два возможных ответа на данный вопрос, один из которых исходит из экзистенциально-субъектных, второй – из социально-метаболических оснований человеческого и бесчеловечного.

Во-первых, действия маньяка никоим образом не обладают свойством взаимного надления деятельностью другого (*Betätigung*), и, стало быть,

здесь нет субъект-субъектной коммуникации, в которой *оба* субъекта *интерсубъективно* эмоционально переживают наслаждение, удовольствие, удовлетворение. Для маньяка его жертва не является субъектом, «Я». И в этом плане его односторонняя *человеческая* деятельность оказывается *неподлинной, бесчеловечной*.

Другой, онтологически отдаленный, но более фундаментальный ответ связан с тем, что, с точки зрения Маркса, человеческое существо становится *человеком* только в обществе, так как определяется «ансамблем» всех общественных, межличностных и экзистенциальных интересубъективных отношений, в которые оно вступает в процессе своей многообразной деятельности. Это означает, что индивид, с одной стороны, активно «впитывает», интериоризирует в себя свои отношения с окружающим миром, с другой – в своих действиях *проявляет себя* в своих *отношениях-с-другими* и своих *отношениях-к-другим*. Каковы эти взаимные отношения, таков и человек как социально-интерсубъективное существо. Если межличностные отношения характеризуются напряженностью, взаимным недоверием, страхом перед другими, то и человек (в большинстве своем) в таких условиях формируется отчужденным, тревожным, боязливым и атомарным существом. А в обществе атомарных эгоистов могут вырасти только атомарные эгоисты. Л. Кюблер вообще связывает саму проблему отчуждения (*Entfremdung*) у Маркса именно с категориями сотрудничества и общения; вернее, рассматривает отчуждение «как следствие фундаментального дефицита сотрудничества». «Соответственно, – пишет он, – “самодеятельность” [Selbstthätigkeit] как нормативное противопонятие [Gegenbegriff] отчуждению также будет пониматься как нечто, что может быть реализовано только с помощью участия в определенных структурах сотрудничества» (Kübler 2014: 64), а Р. Яэгги, чтобы подчеркнуть социальный характер *Entfremdung*, противопоставляет эту форму отчуждения процессу социализации (*Vergesellschaftung*) (Jaeggi 2014).

Человек как телесный общественный индивид существует, прежде всего, через *социальный метаболизм* (Marx 2019; Маркс 1960: 188; Burkett 1999; Foster 2000; Sasaki 2021; Кондрашов 2023), в котором происходит не только вещественно-энергетический обмен между обществом и природой, опосредованный трудом, праксисом (Маркс 1960: 188, 195), но и протекают различные формы обменов внутри «миров», которые создаются «живыми конкретными индивидами» (Маркс, Энгельс 1955а: 18), «действительно деятельными людьми» (Маркс, Энгельс 1955а: 25) в их реальном жизненном процессе (*Lebensprozeß*) (Маркс, Энгельс 1955а: 24). Это такие специфические социально-антропогенные «миры», как мир природы, втянутой в сферу человеческой деятельности (*natürliche Welt*); мир совместной деятельности (*Zusammenwirkung*) как мир общественных отношений и межличностного общения (*Mitwelt*); мир материальной и духовной культуры (*Umwelt, Kulturwelt*); внутренний мир индивида (*Selbst, Innerlichkeit, Existenz*).

В каждом из этих «миров» люди осуществляют те или иные видовые модификации родового праксиса – материальное производство, социальную деятельность по воспроизводству культуры, социальную и межлич-

ностную коммуникацию, экзистенциальные отношения к миру. Каждая из этих форм праксиса, в свою очередь, представляет собой конкретные разновидности социального метаболизма, в рамках которых осуществляются такие виды обмена, как обмен между человеком и природой (труд, материальное производство), обмен деятельностью между социальными группами в объективных общественных отношениях, обмен эмоциями, симпатиями/антипатиями, знаниями, традициями и т.д. в межличностной коммуникации и процессах социализации.

Таким образом, социальный метаболизм тотально пронизывает все уровни и структуры социального и индивидуального бытия, связывая, сцепляя их в когерентную органическую целостность – социальный универсум (*Gesamtkörper*) (Маркс 1962: 421), в котором социальный индивид является фундаментальным основанием – активным субъектом. Онтологически важнейшим имманентным механизмом социального универсума выступает *социальный гомеостаз* – способность социального универсума сохранять состояние органической целостности, поддерживать динамическое равновесие в процессах социального метаболизма, исторического развития даже в условиях *разорванностей внутри целостности* (например, в различных формах разделения труда, классовых антагонизмах). На базисном уровне существования общества социальный гомеостаз – это процессы воспроизводства.

Если мы посмотрим на категории человеческого и бесчеловечного сквозь призму моментов социального метаболизма и гомеостаза, то увидим, что в различные исторические эпохи они принимали разные формы. Возьмем поверхностный пример и сравним советское общество с современным российским обществом, чтобы «почувствовать разницу». В советском обществе по крайней мере межличностные, соседские отношения были выстроены так, что люди часто оставляли ключи под ковриком перед квартирой и совершенно не боялись воров. Сегодня мы ставим на окна решетки и пуленепробиваемые двери-сейфы, боясь своих ближних, добровольно закрывая себя в «тюрьму». В советские времена даже в ювелирных магазинах не устанавливали решетки, а для охраны школьного порядка вполне хватало школьной технички. Сегодня же охранники стоят и в хлебных магазинах, а в школах работают вооруженные ЧОПовцы, действует пропускная система. Немыслимой выглядит сегодня советская система оплаты в общественном транспорте, когда пассажиры самостоятельно платили за проезд и сами же отматывали себе билеты в особых аппаратах.

Все эти по-детски наивные сравнения демонстрируют только одно: в те «совковые», «тоталитарные» времена «угнетения» уровень структурного доверия между людьми был значительно выше, чем теперь. Недоверие же конституирует эрозию собственно социальных структур, что означает *распад* самого общества. А коль скоро человек как человек оказывается возможным только в обществе, снижение уровня внутригрупповой сплоченности и распад социальных связей (которые формируют социальность, когерентную взаимосвязанность индивидов) означает *распад и невозможность человека*. «Скотские отношения, – пишет Маркс, – могут быть

поддержаны только посредством скотства» (Маркс 1955d: 377) и ведут к скотскому одичанию (Маркс 1956b: 600; Маркс 1960: 411, 475).

Исходя из этого совершенно наивного, но жизненного сравнения, зададимся вопросом: способствуют ли действия маньяка росту внутригрупповой солидарности, сплоченности и увеличению доверия между людьми, то есть *человечности*? Ответ очевиден: нет, не способствуют, ибо они вселяют страх, ведущий к замыканию, боязни общения, боязни выходить на улицу. Действия маньяка, будучи действиями *человеческими*, оказываются в перспективе разрушительными для самого человеческого – целостности социального организма; стало быть, они создают условия для бесчеловечности. То есть маньяк испытывает удовольствие, но оно не носит ни субъективно-эмоционального, ни субъект-субъектного, ни объективно-социального человеческого характера. Его отношения-с-миром и отношения-к-миру – это отсутствие-включенности-в-мир или, как выражается Р. Яэгги, «отношение отсутствия отношений» (*eine Beziehung der Beziehungslosigkeit*), «отношений по отношению к себе и миру, переживаемому как безразличному и чуждому» (Jaeggi 2014: 6), отношений, в которых мир никогда не присваивается (*Aneignung*) как *свое иное* (например, в актах понимания, любви или ненависти), – он для маньяка всегда только *объект* в сугубо хайдеггеровском смысле инструментального орудования (Jaeggi 2014: 1-2). Говоря простым языком, жертва маньяка не переживает полноты бытия и искреннего восторга, не испытывает духовного и физического удовлетворения, о которых говорит Маркс, определяя человечность, а маньяку совершенно безразлично, что его действия не вызывают у жертвы-объекта такого рода эмоций.

А вот действия девочки, кормящей бомжа, напротив, конструктивны, ибо формируют субъект-субъектные отношения доверия, внутригрупповой сплоченности, взаимопомощи, содержат в себе то, что способствует взаимопониманию, вселяет определенную надежду, что кто-то когда-нибудь, быть может, поможет и мне, окажись я в такой ситуации. Более того, поведение девочки позволяет таким человеческим социальным структурам воспроизводиться, поддерживая социальный гомеостаз. Это вовсе не означает, что эти действия продиктованы некоторым утилитаризмом «на будущее», – в их разворачивании дает о себе знать доверительная сплоченность индивидов в социальной структуре, которая выступает *модусом человеческого в человеческом*. В субъективном плане и девочка, и бомж переживают эмоциональное и физическое (а бомж даже физиологическое) субъект-субъектное удовольствие; в социальном отношении – простой акт помощи конституирует *признание другого*, *признание человеком*. Действия девочки – это не благотворительность, «которая еще больше унижает и без того униженного, которая требует, чтобы утративший облик человеческий, изгнанный обществом парий отказался от последнего, что ему осталось, – от звания человека...» (Энгельс 1955: 498). Она человечна вне зависимости от своей религиозной мотивации. Хотя в данном случае религия действительно оказывается, по замечанию Маркса, «сердцем [Gemüt] бессердечного мира» (Маркс 1955c: 415), ибо здесь, в конкретно-биографической

ситуации, религия противостоит бессердечности (Gemütlosigkeit) и эмоциональной черствости (Gefühllosigkeit).

Превращенные формы человеческого и бесчеловечного

Однако в марксистском исследовании, даже ограниченном сугубо формальным анализом, дело с категориями человеческого и бесчеловечного обстоит не так метафизически однозначно, как представлено выше. Для Маркса самое главное – «достигать специфическую логику специфического предмета» (Маркс 1955с: 325), ибо «самая суть... живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» (Ленин 1981: 136). Поэтому *в конкретных условиях* человеческая деятельность может выступить как деятельность деструктивная, а бесчеловечные формы жизни могут в некоторых системах способствовать социальному порядку, то есть осуществлять продуктивную функцию. Рассмотрим для иллюстрации два примера.

Первый случай. Жизнь «по воровским понятиям» – человеческая деятельность и человеческая жизнь: животные не живут «по понятиям». Безусловно, что сама эта жизнь в своем конкретном эмоционально-экзистенциальном обнаружении является бесчеловечной, ибо строится на принудительном и надуманном неравенстве, угнетении, жестокости, насилии, унижении, в содержании которых нет никакого субъект-субъектного доверия, сплоченности, солидарности даже в рамках одной иерархической тюремной социальной группы – «масти» (то есть нет «масти-для-себя»). Другой – это всегда только объект, от «уважаемого» и «авторитетного» до предельно презираемого, но никогда не субъект. Однако если жизнь «по понятиям» берется в ограниченных условиях тюремной камеры, то она с точки зрения социального гомеостаза обнаруживает себя экологически приемлемой в том простом смысле, что благодаря социальным нормам, определяемым «воровскими понятиями», в арестантском сообществе поддерживается социальный порядок, устанавливаются системы норм, статусов и ролей, наказаний и поощрений, навязываются инструментальные и терминальные ценности, формируются особые ожидания и т.д. Жизнь «по понятиям» дает возможность этому сообществу выживать, и в этом смысле она при всей своей действительной бесчеловечности оказывается по своим результатам *социально продуктивной*. Имел бы место социальный порядок в камере без этих «понятий» – это уже другой вопрос.

Но если такую жизнь «по понятиям» попытаться посредством мысленного эксперимента тотализировать, экстраполировать на сообщества вне тюремного режима или на человечество в целом, то мы получим не расовый, не классовый, не религиозный, а «зоновский» тоталитаризм. А поскольку наиболее фундаментальной терминальной ценностью «по понятиям» является «карьерный рост» *от мужика и фраера через блатного, вора и авторитета до бродяги*, то рано или поздно подобная тотализация приведет к имманентному саморазрушению всех социальных механизмов и структур воспроизводства. Дело в том, что указанные карьерные экзистенциально значимые статусы предполагают, что лица, двигающи-

еся *от мужика до бродяги*, постепенно отказываются от общественно полезной деятельности, шаг за шагом выпадают из продуктивного участия в созидании общественного богатства, ведут отрицательно-паразитический, разрушительный образ жизни. Воображаемое тотальное «сообщество/общество бродяг» нежизнеспособно *a priori*, ибо исключает социальное воспроизводство, продуктивную деятельность. Это саморазрушительная форма человеческого бытия: хотя в ней есть порядок, но нет другой стороны социально-метаболического гомеостаза – самостоятельного, имманентного воспроизводства.

Второй случай. Материнская любовь, как показывают соответствующие полевые исследования, зачастую из человеческой формы человеческого – «продуктивной жизни» (Маркс: 1956: 565; Marx 1968: 516) – в конкретных условиях извращается и превращается²¹ в радикальную бесчеловечность. Это превращение (*Verwandlung*), как показывает Н. Шепер-Хьюз в своем социологическом и медико-антропологическом исследовании повседневной жизни в бразильской фавеле (Sheper-Hughes 1992), обнаруживает себя, когда мать вынуждена рожать много детей, но при этом использует своего рода сортировку, практики пассивного детоубийства и безразличия к детям. В условиях ограниченности ресурсов ей приходится отдавать заботу, пищу (прежде всего, материнское молоко) и эмоции только тем, кто подает надежду на выживание, а те, кого считают слишком слабыми, лишаются пищи, ухода и нежности, чтобы приблизить их смерть. Отсюда и отказ матери от эмоциональной привязанности к апатичным младенцам, чтобы потом не оплакивать свою потерю. Больного младенца обычно считают обреченным, и мало что делается, чтобы сохранить ему жизнь. Последствия народной диагностики детских болезней можно понимать как практику *пассивной эвтаназии* (Sheper-Hughes 1992: 365).

Бесчеловечность этой ситуации отягощается еще и тем, что очевидное безразличие матерей к смерти своих детей – это не результат психологической реакции «подавления горя», а «тактика выживания», фундированная в социально-экономической и политической системе постколониального мира Бразилии 1960–1990-х гг. Получается, что сознательное сохранение жизни одних детей за счет смерти других, несмотря на всю свою бесчеловечность из-за отсутствия экзистенциально-эмоциональной субъект-субъектной взаимосвязи между матерью и пассивно умерщвляемым ею ребенком, тем не менее выступает в качестве *положительной деятельности*, которая даже, как выразился бы Маркс, обладает «видимостью человечности» (Маркс, Энгельс 1955b: 39), ибо способствует социальному воспроизводству и гомеостазу.

Поскольку социальное бытие для Маркса всегда конкретно-исторично, его диалектический подход ориентирован именно на содержательное исследование конкретных отношений, ситуаций, форм общественного и индивидуального бытия и сознания, а не на отвлеченные отсылания к неким общечеловеческим, в том числе религиозным принципам, ригоризму и т.п.

²¹ В Марксовом смысле превращенных форм (*verwandelte Form*).

И в этом смысле Марксов анализ повседневной бесчеловечности, хотя зачастую и выглядит «морализаторством», тем не менее таковым не является и никакого отношения к пресловутой «слезинке ребенка» не имеет.

Заключение

Целью настоящей статьи был поиск ответа на вопросы: что такое в Марксовой философии человек, человеческое, человеческое и бесчеловечное? Подводя итоги, сформулируем более или менее четкие определения.

С точки зрения Маркса (реконструированной многими исследователями, в том числе нами), *человек* – это природно-телесное конкретно-историческое социально-индивидуальное страдающее материально-духовное цельное универсальное существо, способом существования которого является праксис – общественная сознательно-целеполагающая преобразующая предметно-орудийная деятельность, в процессе осуществления которой в механизмах социального метаболизма человек совместно с другими преобразует природу и созидает свой собственный искусственный мир культуры, формирует «ансамбль» общественных, межличностных и экзистенциальных отношений, а также осмысляет свое существование в различных формах общественного и индивидуального сознания. Все эти конститутивные характеристики составляют родовую сущность человека.

Исходя из этой дефиниции, мы можем в самом общем, формальном виде определить *человеческое* следующим образом:

– все, что присуще человеку как таковому – любой его деятельности, любым формам, сторонам, результатам этой деятельности; всем без исключения социальным структурам, механизмам и нормам; любым общественным, межличностным и экзистенциально-эмоциональным отношениям; любым страстям, переживаниям, мыслям и т.д.;

– все, что делается социализированным человеком – от изготовления палок-копалок и компьютерной техники, от земледелия и сочинения поэм, от вытирания носа платком и проведения экономических реформ в государстве до создания концлагерей, действий маньяков-убийц и атомных бомбардировок.

В зависимости от своих воплощений человеческое обнаруживает себя в социально-исторических формах *человечного* (подлинно человеческого, гуманного) и *бесчеловечного* (неподлинного человеческого бытия, антигуманного). В нашей статье были рассмотрены лишь два основания для выделения таких форм:

– субъективное экзистенциально-эмоциональное переживание человеком своей деятельности, своего бытия-в-мире либо как субъект-субъектного удовольствия от своего свободного самоосуществления в мире (человечное), либо как отчуждения, отвращения к своей вынужденной, несвободной деятельности (бесчеловечное);

– объективная роль деятельности в процессах социально-метаболического гомеостаза, делающих человека человеком: это либо

деятельность, способствующая воспроизводству структур социальной тотальности посредством конституирования субъект-субъектного доверия, повышения внутригрупповой сплоченности и солидарности (продуктивная жизнь), либо деятельность, результатом которой является разрушение всех этих структур, деятельность, порождающая недоверие, раздробленность, атомизацию, эмоциональную бесчувственность, «черствость» и тем самым ведущая к прекращению социального воспроизводства (деструктивная жизнь).

При этом в конкретных социальных системах и ситуациях продуктивная человеческая деятельность может превращаться в свою противоположность и становиться бесчеловечной практикой, в то время как действительно бесчеловечные формы организации жизни в ограниченных условиях могут выполнять продуктивные функции.

Возвращаясь к проблеме, поставленной в вводной части работы, подчеркнем, что только сквозь призму Марксовых определений человеческого и бесчеловечного мы может ответить на вопросы: был ли Маркс «сатанистом», была ли его философия «бесовщиной», человеконенавистничеством, дискурсом ненависти, проповедью о человеческой участи быть безликим, безвольным, бессубъектным, обезличенным и несвободным «винтиком» в социальной машине тоталитарного Молоха?

Надеемся, что наше изыскание хоть в какой-то мере поспособствует формированию представления о том, что философия Маркса – если и не «гуманизм» в смысле всеобщего милосердия, всепрощения, тотальной любви и «слезинки ребенка», то уж точно не бесовщина. Тем же, кто продолжит настаивать на антигуманизме и мизантропическом сатанизме Маркса, следует уяснить, что все эксплицированные выше положения бесчеловечны с какой-то иной (например, христианской, неолиберальной или нацистской) философско-антропологической позиции. Только в рамках такого диалога может состояться подлинно научная дискуссия, а не *flatus vocis*.

В настоящей статье затронуты лишь некоторые формальные стороны категорий человеческого и бесчеловечного в философии Маркса. Анализ их содержательных аспектов (конкретно-исторические формационные, классовые и межличностные модификации человеческого/бесчеловечного; историческое становление «подлинного гуманизма» и всесторонне развитого индивида; соотношение классовых форм человечности/бесчеловечности и общечеловеческого; диалектика личностного и общественного в исторически понимаемых человеческом и бесчеловечном и т.д.) требует специальных изысканий, результаты которых мы планируем представить в следующих работах.

Думается, что такого рода исследования откроют широчайшие перспективы и возможности для философски обоснованного рассмотрения из Марксовой оптики человеческих, бесчеловечных или нейтрально-человечных модальностей таких животрепещущих человеческих явлений, как аборт, смена пола детьми, смертная казнь, гомофобия, транс- и постгуманизм, отсутствие общественных туалетов для транслюдей, расизм, права животных, педофилия и некрофилия, инклюзивность, культура отмены, радикальный

феминизм, антипсихиатрия, ксенофобия и женоненавистничество, накопец, распитие спиртных напитков в общественных местах и воспитание детей с помощью ремня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Володский И. 2011. Истоки зла. Тайна коммунизма. Москва : Сибирская Благовонница. 96 с.
- Кондрашов П.Н. 2019. Философия Карла Маркса. Экзистенциально-антропологические аспекты. Москва : URSS. 216 с.
- Кондрашов П.Н. 2023. Концептуальная реконструкция экологии Карла Маркса: социологический аспект // Социологические исследования. № 3. С. 42-52. DOI 10.31857/S013216250023102-5
- Ленин В.И. 1981. «Коммунизм». «Журнал коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы» (на немецком языке) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 41. С. 135-137.
- Маркс К. 1955а. Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 30-84.
- Маркс К. 1955б. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 382-413.
- Маркс К. 1955с. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 414-429.
- Маркс К. 1955d. Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher». Маркс к Руге, май 1843 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 372-378.
- Маркс К. 1955е. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 3. С. 1-4.
- Маркс К. 1956а. Письмо А. Руге, 20 марта 1842 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Москва : Политиздат. С. 242-245.
- Маркс К. 1956б. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Москва : Политиздат. С. 517-642.
- Маркс К. 1959. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва: Политиздат. Т. 13. С. 1-167.
- Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 23. С. 5-784.
- Маркс К. 1961. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 25, ч. 1. С. 3-508.
- Маркс К. 1962. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 25, ч. 2. С. 3-488.
- Маркс К. 1964. Капитал. Т. 4 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 26. С. 3-568.
- Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 46, ч. 1. С. 3-508.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955а. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 3. С. 9-544.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955б. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 2. С. 3-230.
- Можеева А.К. 1978. Проблема человеческой субъективности в свете марксовой теории исторического процесса // Человек и его бытие как проблема современной философии / под ред. Т.А. Кузьминой. Москва : Наука. С. 252-277.

- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Москва : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива». 448 с.
- Прокументик К.В. 2020. Сущностные силы человека и понятие интенции // Новые идеи в философии. № 7. С. 94-102.
- Фромм Э. 2000. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск : Попурри. 672 с.
- Фромм Э. 2017. Вклад Маркса в знания о человеке // Фромм Э. Кризис психоанализа. Москва : АСТ. С. 79-101.
- Чернова Т.Г. 2018. Марксистская концепция сущностных сил человека // Новые идеи в философии. № 5. С. 71-87.
- Шелике В.Ф. 1986. К. Маркс и Ф. Энгельс об общении как одном из видов человеческого отношения к миру // Диалектика познания, понимания, общения / под ред. В.К. Нишанова. Фрунзе : Киргизский государственный университет. С. 84-93.
- Шелике В.Ф. 1991. Исходные основания материалистического понимания истории (по работам К. Маркса и Ф. Энгельса 1844–1846 гг.). Бишкек : Илим. 230 с.
- Шелике В.Ф. 1997. Что такое любовь? Москва : Варяг. 144 с.
- Энгельс Ф. 1955. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 2. С. 231-517.
- Энгельс Ф. 1965. Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Политиздат. Т. 37. С. 369-372.
- Armesilla S. 2021. A Marxist Transhumanism? // New Proposals: Journal of Marxism and Interdisciplinary Inquiry. Vol. 12, iss. 1. P. 22-40.
- Bastani A. 2019. Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto. London : Verso. 288 p.
- Bernhard A. 2003. Bildung als Bearbeitung von Humanressourcen. Die menschlichen Wesenskräfte in einer sich globalisierenden Gesellschaft // Utopie Kreativ. Heft 156. S. 924-938.
- Burkett P. 1999. Marx and Nature: A Red and Green Perspective. New York : St. Martin's Press. 312 p.
- Clark J.P. 1989. Marx's Inorganic Body // Environmental Ethics. Vol. 11, iss. 3. P. 243-258.
- Dasgupta S. 2018. Marx and Queerness // Krisis: Journal for Contemporary Philosophy. Vol. 38, iss. 2, pp. 139-141.
- Del Aguila Marchena L. 2022. Communism, Political Power and Personal Freedom in Marx: Beyond the Dualism of Realms. Cham : Palgrave Macmillan. 282 p.
- Ferrando F. 2015. Of Posthuman Born. Gender, Utopia and the Posthuman in Films and TV // The Palgrave Handbook of Posthumanism in Film and Television. London : Palgrave Macmillan. P. 269-279.
- Floyd K. 2009. The Reification of Desire: Toward a Queer Marxism. Minneapolis : University of Minnesota Press. 304 p.
- Foster J.B. 2000. Marx's Ecology: Materialism and Nature. New York : Monthly Review Press. 310 p.
- Frankl V. 1982. Trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. München : Deutscher Taschenbuch Verlag. 199 p.
- Gleeson J.J., O'Rourke E. (eds.) 2021. Transgender Marxism. London : Pluto Press. 319 p.
- Jaeggi R. 2014. Alienation. New York : Columbia University Press. 304 p.
- Kengor P. 2020. The Devil and Karl Marx: Communism's Long March of Death, Deception, and Infiltration. Gastonia : TAN Books. 552 p.
- Kondrashov P.N. 2021a. What Is Man? Interpreting the Philosophical-Anthropological Ideas of Karl Marx. Part 1: Generic Essence and Praxis // Russian Journal of Philosophical Sciences. Vol. 64, iss. 3. P. 80-94. DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-3-80-94

Kondrashov P.N. 2021b. What Is Man? Interpreting the Philosophical-Anthropological Ideas of Karl Marx. Part 2: Sociality and Historicity of Man // Russian Journal of Philosophical Sciences. Vol. 64, iss. 4. P. 122-132. DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-4-122-132

Kübler L. 2014. Marx' Theorie der Entfremdung // Karl Marx – Perspektiven der Gesellschaftskritik / herausgegeben von R. Jaeggi, D. Loick. Berlin : Akademie Verlag. S. 47-66.

Marx K. 1962. Das Kapital. Buch 1 // Marx Engels Werke. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 23. S. 4-802.

Marx K. 1968. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx Engels Werke. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 40. S. 465-588.

Marx K. 1982. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten // Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA2). I Abt. Berlin : Akademie Verlag. Bd. 2. S. 187-321.

Marx K. 1983. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie // Marx Engels Werke. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 42. S. 15-768.

Marx K. 2019. Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872 // Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA2). IV Abt. Bd. 18. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung. 1296 s.

Morton T. 2019. Humankind: Solidarity with Nonhuman People. London : Verso. 224 p.

Prawer S. 1978. Karl Marx and World Literature. Oxford : Oxford University Press. 455 p.

Sasaki R. 2021. A New Introduction to Karl Marx: New Materialism, Critique of Political Economy, and the Concept of Metabolism. New York : Springer International Publishing. 215 p.

Scheper-Hughes N. 1992. Death without Weeping. The Violence of Everyday Life in Brazil. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : University of California Press. 614 p.

Steinhoff J. 2014. Transhumanism and Marxism. Philosophical Connections // Journal of Evolution and Technology. Vol. 24, iss. 2, pp. 1-16. DOI 10.55613/jeet.v24i2.18

Tabak M. 2012. Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy. New York : Palgrave Macmillan. 231 p.

Wurmbrand R. 1986. Marx and Satan. Westchester : Crossway Books. 143 p.

References

Armesilla S. A Marxist Transhumanism? *New Proposals: Journal of Marxism and Interdisciplinary Inquiry*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 22-40.

Bastani A. *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto*, London, Verso, 2019, 288 p.

Bernhard A. Bildung als Bearbeitung von Humanressourcen. Die menschlichen Wesenskräfte in einer sich globalisierenden Gesellschaft, *Utopie kreativ*, 2003, no. 156, pp. 924-938. (In German).

Burkett P. *Marx and Nature: A Red and Green Perspective*, New York, St. Martin's Press, 1999, 312 p.

Chernova T.G. Marxist Concept of Essential Forces of the Human, *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 2018, no. 5, pp. 71-87. (In Russ.).

Clark J.P. Marx's Inorganic Body, *Environmental Ethics*, 1989, vol. 11, no. 3, pp. 243-258.

Dasgupta S. Marx and Queerness, *Krisis: Journal for Contemporary Philosophy*, 2018, vol. 38, no. 2, pp. 139-141.

Del Aguila Marchena L. *Communism, Political Power and Personal Freedom in Marx: Beyond the Dualism of Realms*, Cham, Palgrave Macmillan, 2022, 282 p.

Engels F. Letter to Conrad Schmidt, August 5, 1890, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1965, vol. 37, pp. 369-372. (In Russ.).

Engels F. The Condition of the Working-Class in England, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 2, pp. 231-517.

Ferrando F. Of Posthuman Born. Gender, Utopia and the Posthuman in Films and TV, *The Palgrave Handbook of Posthumanism in Film and Television*, London, Palgrave Macmillan, 2015, pp. 269-279.

Floyd K. *The Reification of Desire: Toward a Queer Marxism*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2009, 304 p.

Foster J.B. *Marx's Ecology: Materialism and Nature*, New York, Monthly Review Press, 2000, 310 p.

Frankl V. *Trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager* [Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy], Munich, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1982, 199 p. (In German).

Fromm E. *Escape from Freedom. Man for Himself*, Minsk, Potpourri, 2000, 672 p. (In Russ.).

Fromm E. Marx's Contribution to the Knowledge of Man, *Fromm E. The Crisis of Psychoanalysis*, Moscow, AST, 2017, pp. 79-101. (In Russ.).

Gleeson J.J., O'Rourke E. (eds.) *Transgender Marxism*. London, Pluto Press, 2021, 319 p.

Jaeggi R. *Alienation*, New York, Columbia University Press, 2014, 304 p.

Kengor P. *The Devil and Karl Marx: Communism's Long March of Death, Deception, and Infiltration*, Gastonia, TAN Books, 2020, 552 p.

Kondrashov P.N. Conceptual Reconstruction of Karl Marx's Ecology: A Sociological Aspect, *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2023, no. 3, pp. 42-52. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250023102-5

Kondrashov P.N. *Philosophy of Karl Marx. Existential-Anthropological Aspects*, Moscow, URSS, 2019, 216 p. (In Russ.).

Kondrashov P.N. What Is Man? Interpreting the Philosophical-Anthropological Ideas of Karl Marx. Part 1: Generic Essence and Praxis, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2021, vol. 64, no. 3, pp. 80-94. DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-3-80-94

Kondrashov P.N. What Is Man? Interpreting the Philosophical-Anthropological Ideas of Karl Marx. Part 2: Sociality and Historicity of Man, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2021, vol. 64, no. 4, pp. 122-132. DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-4-122-132

Kübler L. Marx' Theorie der Entfremdung, Jaeggi R., Loick D. (eds.) *Karl Marx – Perspektiven der Gesellschaftskritik* [Karl Marx – Perspectives in Social Criticism], Berlin, Akademie Verlag, 2014, pp. 47-66. (In German).

Lenin V.I. Kommunismus. Journal of the Communist International for the Countries of South-Eastern Europe (in German), *Lenin V.I. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1981, vol. 41, pp. 135-137. (In Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 1, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1960, vol. 23, pp. 5-783. (In Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 3, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1961, vol. 25, part 1, pp. 3-508. (In Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 3, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1962, vol. 25, part 2, pp. 3-448. (In Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 4, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1964, vol. 26, pp. 3-568. (In Russ.).

Marx K. *Das Kapital*. Bd. 1 [Capital. Vol. 1], *Marx Engels Werke* [Marx & Engels Collected Works], Berlin, Dietz Verlag, 1962, vol. 23, pp. 4-802. (In German).

Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844, *Marx K., Engels F. Early Works*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642. (In Russ.).

Marx K. Economic Manuscripts of 1857-58 (First Version of Capital), *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1968, vol. 46, part 1, pp. 3-508. (In Russ.).

Marx K. Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872 [Excerpts and Notes: February 1864 to October 1868, November 1869, March, April, and June 1870, December 1872], *Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA2), IV, vol. 18*, Berlin, De Gruyter Akademie Forschung, 2019, 1296 p. (In German).

Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie [Grundrisse. Foundations of the Critique of Political Economy], *Marx Engels Werke* [Marx & Engels Collected Works], Berlin, Dietz Verlag, 1983, vol. 42, pp. 15-768. (In German).

Marx K. Introduction to a Critique of Hegel's Philosophy of Right, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 414-429. (In Russ.).

Marx K. Letter to Arnold Ruge, March 20, 1842, *Marx K., Engels F. Early Works*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 242-245. (In Russ.).

Marx K. Letters from the Deutsch-Französische Jahrbücher. Letter to Arnold Ruge, May 1843, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 372-378. (In Russ.).

Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten [Economic and Philosophic Manuscripts], *Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA2), I*, Berlin, Akademie Verlag, 1982, vol. 2, pp. 187-321. (In German).

Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844], *Marx Engels Werke* [Marx & Engels Collected Works], Berlin, Dietz Verlag, 1968, vol. 40, pp. 465-588. (In German).

Marx K. On Freedom of the Press, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 30-84. (In Russ.).

Marx K. On the Jewish Question, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 382-413. (In Russ.).

Marx K. Theses on Feuerbach, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 1-4. (In Russ.).

Marx K. Toward a Critique of Political Economy, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1959, vol. 13, pp. 1-167. (In Russ.).

Marx K., Engels F. The German Ideology, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 9-544. (In Russ.).

Marx K., Engels F. The Holy Family, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 2, pp. 3-230. (In Russ.).

Morton T. Humankind: *Solidarity with Nonhuman People*, London, Verso, 2019, 224 p.

Mozheeva A.K. The Problem of Human Subjectivity in the Light of Marx's Theory of the Historical Process, *Kuzmina T.A. (ed.) Man and His Being as a Problem of Modern Philosophy*, Moscow, Nauka, 1978, pp. 252-277. (In Russ.).

Popper K. *The Open Society and Its Enemies, Vol. 1: The Spell of Plato*. Moscow, Feniks & Mezhdunarodnyj fond "Kul'turnaya iniciativa", 1992, 448 p. (In Russ.).

Prawer S. *Karl Marx and World Literature*, Oxford, Oxford University Press, 1978, 455 p.

Prozumentik K.V. Human Essential Powers and the Concept of Intention, *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 2020, no. 7, pp. 94-102. (In Russ.).

Sasaki R. *A New Introduction to Karl Marx: New Materialism, Critique of Political Economy, and the Concept of Metabolism*, New York, Springer International Publishing, 2021, 215 p.

Schälike W.F. Marx and Engels on Communication as One of the Types of Human Attitude to the World, Nishanov V.K. (ed.) *Dialectics of Knowledge, Understanding, Communication*, Frunze, Kirgizskij gosudarstvennyj universitet, 1986, pp. 84-93.

Schälike W.F. *The Initial Premises of the Materialist Understanding of History in the Work of Marx and Engels, 1844–1846*, Bishkek, Ilim, 1991, 230 p.

Schälike W.F. *What is Love?* Moscow, Varyag, 1997, 144 p.

Scheper-Hughes N. *Death without Weeping. The Violence of Everyday Life in Brazil*, Berkeley, Los Angeles & Oxford, University of California Press, 1992, 614 p.

Steinhoff J. Transhumanism and Marxism. Philosophical Connections, *Journal of Evolution and Technology*, 2014, vol. 24, no. 2, pp. 1-16. DOI 10.55613/jeet.v24i2.18

Tabak M. *Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy*, New York, Palgrave Macmillan, 2012, 231 p.

Volodsky I. *Origins of Evil. The Secret of Communism*, Moscow, Sibirskaya Blagozvonnica, 2011, 96 p. (In Russ.).

Wurmbrand R. *Marx and Satan*, Westchester, Crossway Books, 1986, 143 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петр Николаевич Кондрашов

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0009-0007-9816-5979;

SPIN-код: 9945-3898;

E-mail: pnk060776@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr N. Kondrashov

Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0009-0007-9816-5979;

SPIN-code: 9945-3898;

E-mail: pnk060776@gmail.com